

*А.З. Ярмуллина*

### **Реализация закона о государственных языках в БАССР в 1920-е гг.**

С 1917 г., с самого начала борьбы за автономию, лидеры башкирского национального движения большое внимание уделяли вопросам развития и сохранения родного языка, национальной культуры, тесно связывая их с экономической и политической самостоятельностью Башкортостана [1, с. 28].

Необходимость обучения детей на родном языке наряду с русским отражена в решениях **I Всебашкирского съезда**, проходившего летом 1917 г. в Оренбурге [2, с. 39]. В проекте «Положения об автономии Малой Башкирии», разработанном в январе 1918 г., в ст. 2 отмечалось, что «официальным языком Башкирии является башкирский, и временное применение в башкирских учреждениях русского языка не лишает башкирского языка этого права» [3, л. 1].

В 1919 и 1920 гг. с целью реализации постановлений **I Всебашкирского съезда Башкирский ревком** (первое советское правительство республики, далее – Башревком. – *А.Я.*) приступил к рассмотрению вопроса о придании башкирскому языку государственного статуса [4, с. 5].

В декабре 1919 г. Народный комиссариат юстиции по предложению Башревкома приступил к разработке проекта правил о введении на территории республики башкирского языка в качестве государственного [5, л. 46]. К 28 февраля 1920 г. проект правил, разработанный комиссией в составе А.Н. Ягафарова, Т.Г. Имакова, А.С. Кричинского, представлен на рассмотрение Башревкома [6, л. 6], а 24 марта 1920 г. правительством утвержден проект «Положения о введении государственного языка на территории БССР» [7, л. 28об.].

Следует отметить, что, если до принятия этого Положения в официальных документах поднимался вопрос о придании башкирскому языку статуса государственного языка, то в данном Положении государственными языками объявлялись башкирский и русский языки. Все официальные распоряжения правительственных учреждений и организаций, приказы и объявления должны были публиковаться на двух языках. Судопроизводство, делопроизводство допускалось на любом из государственных языков [8, л. 5].

К сожалению, в связи с ликвидацией Башревкома, подготовленные документы, касающиеся реализации закона о государственных языках, не были претворены в жизнь. В июне 1920 г. правительство распустило, его членов обвинили в национализме. Все решения

Башревкома игнорировались как антисоветские, контрреволюционные.

Вскоре вопрос о статусе, функционировании, нормах, терминологии, орфографии башкирского языка стал объектом особого внимания со стороны партийных и советских органов республики.

Важное значение для активизации деятельности Башкирского обкома РКП(б), Башкирского центрального исполнительного комитета (далее – БашЦИК. – *А.Я.*) в решении национального вопроса имели резолюции **X съезда партии**. Так, съезд определил задачи партийных и советских органов, которые состояли в том, чтобы помочь трудовым массам нерусских народов развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов. Предлагалось развивать и укреплять действующие на родном языке суд, администрацию, хозяйственные органы, органы власти людьми, знающими быт и психологию местного населения, а также развивать прессу, театр, клубное дело, культурно-просветительские учреждения на родном языке и т.д. [9, с. 251].

Высокий статус башкирского языка многократно подтверждался в решениях и директивах государственных органов. Например, постановлением Президиума БашЦИК от 6 июня 1921 г. башкирский язык был объявлен государственным языком наравне с русским [10, л. 337]. В резолюции Пленума Башкирского обкома РКП(б) от 27 июня 1921 г. указывалось: «Признать государственным языком башкирский наравне с русским и ввести обязательное изучение башкирского языка во всех учебных и военно-учебных заведениях, открыть курсы башкирского языка и истории Башкирии для советских работников» [11, с. 611]. Это же положение было принято на **II Всебашкирском съезде Советов**, состоявшемся в июле того же года [11, с. 613–614].

В 1921 г. из-за тяжелых последствий Гражданской войны, хозяйственной разрухи, страшного голода, отсутствия разработанной нормы литературного башкирского языка претворить в жизнь данное постановление не удалось. В таких условиях правительство республики не имело возможности вплотную заняться вопросами реализации языка в качестве государственного.

Не подлежит сомнению, что признание башкирского языка наряду с русским государственным означало ведение делопроизводства в государствен-

ных органах, обучение в учебных заведениях, где преобладает башкирское население, печатание книг и газет на башкирском алфавите на основе норм своего времени. Этот вопрос также был органически связан с политикой «коренизации» государственного аппарата. Тем не менее полной ясности в данном вопросе не было, ибо татарское население также требовало ведения делопроизводства, обучения и издания газет на татарском языке. Так, газета «Власть труда», отражая данную ситуацию, писала: «Под реализацией башкирского языка нужно понимать реализацию тюркского языка, то есть башкирского – среди башкир, и татарского – среди татар. В этом деле не может быть никакой грани между башкирским и татарским населением» [12, с. 180].

В деле реализации башкирского языка в качестве государственного большое значение имели решения VI Башкирской партийной конференции, состоявшейся 18 сентября 1922 г., которая определила программу осуществления в республике национальной политики. Например, в тезисах отмечалось: «В целях облегчения населению, в огромном проценте говорящему и грамотному только на родном языке, сношения с органами государственной власти и для укрепления последней с населением поручить обкому, изыскать пути для реализации башкирского языка как государственного наравне с русским» [13, л. 15].

21 сентября того же года Советом народных комиссаров БАССР (далее – СНК БАССР. – *А.Я.*) была подготовлена инструкция по введению башкирского языка в делопроизводство советских учреждений республики. В ней указывалось, что «во всех центральных и в советских учреждениях БССР, за исключением Наркомфина, Наркомздрава, Наркомсвязи и ЦСУ, а также финансово-счетных управлений при наркоматах, установить обязательное делопроизводство как на русском, так и на башкирском языках» [4, с. 20]. Вести делопроизводство на двух языках по данной инструкции оказалось практически невозможно из-за решительного отпора со стороны русских руководящих работников. Это противостояние нашло отражение в решении Президиума Башкирского обкома РКП (б) от 17 ноября 1922 г., где подчеркивалось, что «временное основное делопроизводство центральных и кантонных советских органов и предприятий всех ведомств на территории БССР ведется на русском языке, но в целях облегчения сношений с башкирским населением вводится как подсобный орган институт переводчиков башкирского языка при всяком учреждении, из числа штатных сотрудников. В волостях кантонов с преобладающим башкирским населением допускается ведение основного делопроизводства на башкирском языке» [12, с. 184].

Таким образом, в деле реализации закона о государственных языках отмечались как отступления от решений II съезда Советов, их «смягчение», так

и повторное признание их в силе. Если первая тенденция исходила в основном от Башкирского обкома РКП(б), то вторая осуществлялась благодаря действиям БашЦИКа и СНК БАССР.

Проблема реализации языка коренного народа систематически освещалась и в периодической печати. Например, башкирский писатель Д. Юлтый в статье «О претворении в жизнь языка коренного народа», напечатанной в газете «Башкортостан», писал, что вопросы языка нужно решать с особой осторожностью, выбирая верные решения, чтобы результаты были плодотворными и полезными. Для того чтобы полнее претворить закон в жизнь, он предлагал начать работу по реализации языка со сферы образования и суда, отправляя башкир на инженерские, высшие сельскохозяйственные курсы, в различные учебные заведения. Ошибку в реализации башкирского языка он видел в том, что в основном рассматривался психологический аспект без должного внимания технической и экономической стороне вопроса [14, с. 3].

Опираясь на постановление БашЦИК от 5 декабря 1922 г. за №45, 18 февраля 1923 г. СНК БАССР издает декрет о реализации башкирского языка как государственного. В целях строгого исполнения данного декрета при СНК БАССР создается постоянная Центральная комиссия из представителей НКВД, наркомпроса и наркомюста, а на местах – кантонные комиссии. В функции Центральной комиссии входило: руководство деятельностью наркоматов и учреждений по приспособлению аппарата к условиям башкирской действительности, вовлечение работников из местных национальностей в аппараты управления, введение башкирского языка в делопроизводство [15, л. 1]. Она также разрабатывала планы мероприятий, регулярно давала инструкции, устанавливала формы отчетности и организовывала периодические обследования процесса внедрения родного языка в кантонах, заслушивала доклады наркомов и отчеты руководителей учреждений о реализации башкирского языка. Подобная работа проводилась кантонными и волостными комиссиями. К ней привлекались инструкторы обкома партии, студенты совпартшкол, Коммунистического университета трудящихся Востока и других вузов, которые выявляли имеющиеся недостатки и помогали их преодолевать [16, с. 203]. Прием на работу, перевод на другое место и увольнение башкирских работников осуществлялось только по согласованию и с разрешения Центральной комиссии по языку. Благодаря данным мерам, принятым руководством республики, открывались большие возможности в области подготовки национальных кадров.

СНК БАССР своим постановлением от 27 февраля 1923 г. утвердила «Инструкцию по введению башкирского языка в государственных и частнопубличных учреждениях волостного и областного масштабов», направленную для обеспечения введения башкир-

ского языка в основную массу делопроизводства [17, с. 51–52]. Такие решения принимаются и на всероссийском уровне. Например, в директиве ВЦИК от 14 апреля 1924 г. указывалось о незамедлительном осуществлении ведения делопроизводства в национальных республиках, областях и районах на национальных языках, в первую очередь в государственных органах и организациях торговли. При приеме на работу в государственные учреждения преимущество оказывалось людям, знающим местный язык [17, с. 52–53].

В соответствии с постановлением СНК БАСССР от 6 октября 1924 г. в пределах Башкирской Республики обеспечивалось использование башкирского языка на почте и телеграфе [17, с. 57]. С 1924 г. на основании постановления Президиума БашЦИК все правительственные декреты и распоряжения обязательно издавались на башкирском и русском языках [17, с. 54].

Начиная с 1923 г., с целью обеспечения низовых советских, хозяйственных, кооперативных организаций рабочей силой ежегодно в Уфе и в кантонах организовывались различные курсы исключительно по подготовке работников из башкир, татар и национальных меньшинств.

Под общим руководством Центральной комиссии по языку были открыты межведомственные курсы наркомпроса и главпрофобра для подготовки работников, владеющих башкирским языком. В Уфе организованы и проведены специальные шестимесячные курсы, которые закончили 60 человек. В органах Центральной комиссии было зарегистрировано 331 человек, владеющих обоими государственными языками, которые были размещены по учреждениям города, а также отправлены на работу в кантоны [18, с. 3].

В 1926–1927 гг. канцелярско-финансовые, лесоводно-земледельческие, счетоводные курсы подготовили 310 человек. Кроме того, наркомпросом были открыты курсы по подготовке в вузы, наркомфином – по подготовке налоговых работников. В Уфе и в кантонах регулярно работали курсы по переподготовке учителей из башкир и татар [16, с. 203]. Всего с 1924 по 1927 г. на различных курсах прошли обучение 919 работников. Курсы по пчеловодству выпустили 228 человек, лесные и земельные курсы – 95, кооперативные – 100, почтово-телеграфные – 56, курсы наркомфина – 156, курсы сельхозкредита – 45, 241 человек окончили юридические курсы [19, с. 24].

В «Отчете о деятельности ЦИК и СНК четвертого созыва V Всебашкирскому съезду Советов» была дана положительная оценка работе по вовлечению в аппарат представителей башкирского населения. Из 117 волостей республики 62 волости перевели свое делопроизводство на башкирский язык. Так, в Бирском, Стерлитамакском, Зилаирском, Тамьян-Катайском, Белебеевском и Уфимском кантонах баш-

киры составляли от 20–35% всего штата служащих, в Месягутовском – от 40–75%, в Аргаяшском – 100% [20, с. 8].

Для обеспечения государственного аппарата, различных организаций и учреждений специалистами, владеющими обоими государственными языками, использовались методы материального поощрения. Служащим, способным исполнять свои служебные обязанности одинаково на обоих государственных языках, была предусмотрена надбавка к жалованью в размере не ниже 35 и не выше 50% от основной заработной платы [21, с. 18].

Для достижения конечной цели необходимо было использовать на практике башкирского и русского языков. Исходя из этого, Президиум Башкирского обкома ВКП(б) поручил наркомпросу открыть в Уфе и в кантонах вечерние курсы по изучению и совершенствованию знаний на обоих языках. При оценке полезности того или иного сотрудника необходимо было учитывать степень усвоения им государственных языков, а также успеваемость сотрудника на курсах [17, с. 56].

В результате предпринятых правительством республики мер были достигнуты значительные успехи. Так, в органах юстиции делопроизводство, судопроизводство и процесс судебного разбирательства производились на обоих языках. Башнаркомпрос в делопроизводстве перешел на башкирский язык. Издательством «Башкнига» переведены на башкирский язык не только делопроизводство, но и бухгалтерия, а также предприняты решительные действия в издании учебников и учебных пособий на башкирском языке. Наркоматом юстиции переведено и издано на башкирском языке несколько кодексов [20, с. 8].

В марте 1926 г. принимается постановление БашЦИК и СНК БАСССР «О реализации башкирского языка», по которому в трехмесячный срок в 67 волостях было необходимо установить делопроизводство на башкирском языке, в 42 – на русском, в двух – на чувашском и марийском языках [17, с. 62]. Руководство республики понимало, что реализация закона о государственных языках будет неполной, если он не будет применяться, и подчеркивало, что в 67 волостях обязательно должны вести переписку на башкирском языке. Нужно отметить, что очень сложным и долгое время не урегулированным оставался вопрос о пишущих машинках. Особо остро стоял он и в других автономных республиках. Центральная комиссия по своей инициативе через частные мастерские изготовила 15 пишущих машинок с башкирским шрифтом, восемь из них раздала кантонам, семь – центральным учреждениям [22, л. 40].

В сентябре 1927 г. СНК БАСССР на основе плана коренизации центральных учреждений и организаций республики, составленного Центральной комиссией по реализации башкирского языка, приняло поста-

новление, по которому в течение трех лет подлежало замещению 830 должностей центральных и кантонных учреждений [17, с. 66–68]. Трехлетний план коренизации аппаратов по кантонам, предусматривавший замену того минимума работников, который необходим был для приспособления аппарата, не соответствовал действительности. Во многих кантонах вместо увеличения работников, знающих башкирский язык, производилось их сокращение. Так, если на 1 октября 1927 г. в республике в кантонных учреждениях работники-башкиры составляли 8,8%, то через год эта цифра стала еще меньше – 8,2% [22, л. 25, 40]. Неудовлетворительно обстояли дела в Тамьян-Катайском, Белебеевском, Бирском, Уфимском, Аргаяшском кантонах. В некоторых из них отсутствовал план коренизации по учреждениям и предприятиям. Местами переписка и посылка руководящих документов с башкирскими сельсоветами велась на русском языке, что было недопустимо. Недостатки трехлетнего плана коренизации заключались в том, что до составления плана не были учтены все кантонные и городские учреждения (в план

было включено лишь 50% организаций). В низовых органах и башкиро-татарских волостных исполкомах, в частности, где реализация башкирского языка подлежала на 100%, не проверялось исполнение директив, техническая сторона делопроизводства, при приеме на работу предъявлялись завышенные требования к лицам, знающим башкирский язык [23, л. 65].

Исходя из вышеизложенного, можно сказать, что реализация закона о государственных языках (особенно башкирского языка в делопроизводстве, обучение на башкирском языке в школах и других учебных заведениях, организация издательского дела) оказалась делом сложным и трудным. Так, имелись случаи проявления великодержавного шовинизма, когда русские работники смотрели на автономию Башкортостана, на ее достижения как на временное явление, которое исчезнет с победой социализма. Но, несмотря на сложности, БашЦИКом, СНК БАССР, Башкирским обкомом РКП(б), Центральной комиссией по реализации башкирского языка были достигнуты определенные успехи в деле реализации закона о государственных языках.

### Библиографический список

1. Кульшарипов, М.М. Башкирское национальное движение и вопрос о статусе башкирского языка / М.М. Кульшарипов // Ватандаш. – 1997. – №4.
2. Свод законов и нормативных правовых актов Башкортостана. – Уфа, 2005. – Т. 1.
3. Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). – Ф. 9776. – Оп. 2. – Д. 3.
4. О реализации закона Республики Башкортостан «О языках народов Республики Башкортостан» / авт.-сост. Ф.Г. Хисамитдинова. – Уфа, 2003.
5. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). – Ф.р.-1107. – Оп. 1. – Д. 30.
6. ЦГИА РБ. – Ф.р.-323. – Оп. 1. – Д. 51.
7. ЦГИА РБ. – Ф.р.-1107. – Оп. 1. – Д. 32.
8. ЦГИА РБ. – Ф.р.-323. – Оп. 1. – Д. 2.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 2.
10. ЦГИА РБ. – Ф.р.-349. – Оп. 5. – Д. 11.
11. Юлдашбаев, Б.Х. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики : сб. документов и материалов / Б.Х. Юлдашбаев. – Уфа, 1959.
12. Гумеров, Ф. Реализация башкирского языка / Ф. Гумеров // Ватандаш. – 1999. – №8.
13. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 2.
14. Из истории государственного башкирского языка // Башкортостан. – 1999. – 23 февр.
15. ЦГАОО РБ. – Ф. 122. – Оп. 2. – Д. 128.
16. Лукманов, Х. Деятельность Центральной комиссии по реализации башкирского языка в 20-е гг. / Х. Лукманов // Ватандаш. – 1998. – №6.
17. Сборник законов по реализации башкирского языка. – Уфа, 1930.
18. Ярмуллин, С. У этого языка имеется историческая основа / С. Ярмуллин // Башкортостан. – 1999. – 15 мая.
19. Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан. – Уфа, 2006.
20. Отчет ЦИК и СНК БАССР IV созыва V Всебашкирскому съезду Советов. – Уфа, 1925.
21. Резяпов, Р. Свод законов о башкирском языке. Начало XX в. / Р. Резяпов. – Уфа, 2004.
22. ЦГИА РБ. – Ф. р.-933. – Оп. 1. – Д. 814.
23. ЦГИА РБ. – Ф. р.-933. – Оп. 1. – Д. 820.